

М.И. Гельвановский

Технологии социального проектирования в истории и современной практике России

В статье проводится краткий ретроспективный анализ произошедших сто лет назад революционных событий, которые рассматриваются с точки зрения реализации технологий социального управления, делается попытка оценки перспектив применения моделей и инструментов социального проектирования в будущем.

Ключевые слова: революции, социальный проект, глобализация, реформы, постмодернизм, сверхмодерн.

Сегодня, когда отмечается столетие русской революции, проводится многомерный анализ событий февраля и октября 1917 г. с позиций и перспектив XXI века, особенно важно обратить внимание на другой юбилей – прошло ровно 25 лет с того момента, когда наша страна сделала резкий поворот в своем развитии. Именно тогда, в 1992 г., завершился глобальный коммунистический проект, начавшийся в 1917 г., и в мире интенсивно развернулся процесс однополярной глобализации. Практически в отсутствии стратегии своего социально-экономического развития Россия в условиях острой глобальной конкурентной борьбы вынуждена была все эти годы двигаться по течению, встраиваясь в чужие стратегии, вместо того чтобы обрести свой собственный путь.

Свой ретроспективный анализ начнем с вопроса о том, насколько произошедшая сто лет назад Октябрьская революция была русской и социалистической. Сегодня, с учетом многочисленных примеров цветных революций, прокатившихся по различным странам мира, этот вопрос уже не кажется странным.

Формально революция 1917 г. была действительно русской, но реально в ее основе были движущие силы, вышедшие далеко за пределы границ Российской империи, которая вела в эти годы войну с Германией. Объективно к началу 1917 г. сложились условия, способствовавшие созданию революционной ситуации. Во-первых, имел место глубокий идеологический раскол относительно путей развития страны: одна часть общества выступала за развитие России по особому пути и главными ценностями виделись православие, самодержавие и народность. Другие стремились к копированию западной демократии и идеалам социализма. Во-вторых, в начале XX века в стране был налицо острый конфликт основных классов: буржуазия и государство не хотели вести конструктивный диалог с рабочими, а помещики – с крестьянами. В-третьих, существовало значительное социальное неравенство, отрыв одной части общества от другой: они жили как бы в разных мирах по уровню социального обеспечения и по имеющимся возможностям. Но такие противоречия можно наблюдать в странах достаточно часто и они далеко не всегда приводят к революциям.

Понимание огромной сложности задач реформирования такого гигантского и сложнейшего организма, каким была Российская империя, заставляла российских императоров крайне осторожно подходить к социальным изменениям, требующим учета многих факторов не только внутреннего, но внешнего геополитического характера. Первый, пожалуй, самый важный фактор – переходное состояние российского социума, начало которому было положено еще реформой 1861 г. Эта реформа резко изменила длившийся столетия уклад русской жизни, где сложились и семейно-патерналистские, и жесткие крепостные, и общинные формы отношений. В ходе реформы семейно-патерналистские отношения (как наиболее «мягкие» формы крепостной зависимости, где барин брал на себя реальную заботу о своих крестьянах) оказались подорванными. Крестьянин стал рассматриваться исключительно как источник дохода. Освобождение крестьян в России совпало с бурным развитием промышленного производства и переселением крестьян в города. Индустриализация со всеми ее плюсами (рост товарного производства, развитие транспортной системы и мобильности населения и пр.) и минусами (неравномерность развития отдельных отраслей и регионов, сопровождавшаяся ростом социальной дифференциации, отходничеством на заработки, разрушающее семейный уклад, непривычная городская среда, требующая адаптации, безработица и др.) создавала социальные проблемы, усиливала социально-психологическое напряжение.

К этому следует добавить такой важный фактор, как очередной этап развития информационной революции, который мало учитывается, но который имеет огромное значение в развитии социальных процессов. Освоение телеграфа и телефона, новый виток развития печати (книг, журналов, газет, листовок, прокламаций), появление кинематографа – все это радикально меняло социокультурные условия огромных масс населения, способствовало появлению новых скоростей передачи информации, открывало новые возможности воздействия на эмоциональное состояние больших масс населения. Хорошо известны и внешние факторы – война, геополитическое противостояние ведущих держав мира. Однако среди этих факторов был один, о котором мало кто упоминает – это наличие элементов глобального проектирования. А как еще можно назвать идею мировой революции? Заметим, что в основе этой идеи лежало материалистическое представление о мире, поэтому экономика и составляла основу теоретической основы протеста. Раскрытая Марксом тайна капитала стала мощным оружием в борьбе за переустройство мира, при этом предлагалось пренебречь национальными ценностями и традициями для достижения материальных результатов – равномерного распределения благ среди членов общества.

Второй важный вопрос, который хотелось бы поднять: была ли революция социалистической? В.И. Ленин в 1918 г. признавал: «Да, революция наша буржуазная... Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 г. говорили... никогда этой необходимой ступени исторического процесса не перепрыгнуть»¹. Как известно, Ленин говорил о двух последовательных этапах революции – буржуазной и социалистической. Более того, в большевистской доктрине необходимым условием перехода к социализму в России считалась победа мировой революции. Только в этом случае прогрессивный пролетариат развитых стран мог оказать помощь своим российским товарищам в проведении социалистических преобразований. В противном случае они признавались невозможными – из-за отсутствия необходимого административного и технического опыта, нехватки технологий, неразвитой промышленности, отсталого сельского хозяйства.

Вряд ли можно дать однозначный ответ на вопрос о том, какой же была Октябрьская революция в действительности: социалистической или буржуазной? Теоретически большевики нашли выход, утверждая, что Октябрьский переворот явился лишь завершающим этапом буржуазной революции, которая должна перерасти в революцию социалистическую. В итоге можно сделать вывод

о том, что именно иностранное влияние во многом способствовало победе революции в России, причем изначально революция была не социалистическая, а буржуазная.

От революции – к социальному проекту

Теоретические концептуальные положения для их успешной реализации на практике требуют преобразования в конкретные проектные решения, которые, в свою очередь, могут существенно скорректировать первоначальные теоретические установки. В целом теория Маркса не давала оснований строить социализм ни в отдельно взятой стране, ни тем более в такой непромышленной стране, как Россия. Маркс постулировал закономерность социально-экономического общественного развития – смены общественных формаций. В соответствии с его трактовкой рано или поздно капитализм становится помехой на пути развивающихся производительных сил и возникают условия для революционного перехода к социалистической формации, движущей силой которого должен стать пролетариат. Но к 1917 г. в России пролетариата в качестве критической массы для такой революции еще не было. Буржуазная революция произошла, но условия для пролетарской революции еще не сложились. Это и послужило причиной формирования проектных решений «на ходу». Данное обстоятельство ярко проявилось в колебаниях Ленина в отношении национализации сложившейся в России финансовой и промышленной системы.

Основоположники марксизма называли национализацию банков в числе первоочередных мер по социалистическому переустройству общества, не говоря уже о том, что национализация промышленности – обобществление средств производства – является классической чертой социализма. «Апрельские тезисы» Ленина, формулирующие задачи революционного пролетариата в России, прямо следуют этим установкам: «Национализация всех земель в стране... <...> Создание из каждого крупного именина... образцового хозяйства... на общественный счет. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.»². Однако после переворота Ленин неожиданно меняет свои взгляды, отказываясь от радикальных реформ. Столкнувшись с реальным управлением страной, он вынужден был отбросить теоретические доктрины, так как действительность оказалась куда сложнее любой теории.

В большей или меньшей степени овладевать сложными процессами хозяйственного строительства большевики начали лишь летом 1918 г., когда был выпущен декрет о национализации всех крупных предприятий в РСФСР. Так «импортная» марксистская теория начала превращаться в проектные решения, которые обосновали формирование планомерного развития и ускоренную индустриализацию, позволившую решать критически сложные задачи военного времени. Основой этого процесса послужило теоретическое положение о возможности победы социализма в одной стране.

Поражение ряда пролетарских революций в Европе (в том числе в Германии и Венгрии) привело Сталина к мысли о необходимости разработки концепции построения социализма в отдельно взятой стране. И это было одним из важнейших положений, серьезно отличающихся по своим концептуальным основаниям от первоначальных установок Коммунистического манифеста и большинства основанных на нем документах.

Хотелось бы отметить, что именно со сталинских решений по переустройству социально-экономической конструкции страны и можно начинать отсчитывать переход от революционного «шараханья» к достаточно последовательной реализации проектного представления о будущем России, теперь уже в форме СССР. Сталин реализовал на практике «Красный проект», провозгласив победу социализма в одной стране. Именно это проектное решение в экономической сфере обеспечило снижение зависимости СССР от мировой экономической системы и одновременное ускорение индустриализации страны. Этот проект стал глобальным после победы СССР в Великой Отечественной войне, когда была образована мировая система социалистических государств.

После Великой Отечественной войны и прихода к власти Н.С. Хрущева Советский Союз вступил в фазу перманентных концептуальных поисков дальнейшего развития «Красного проекта». Можно считать, что с приходом Н.С. Хрущева активная фаза развития СССР как проекта, альтернативного по своей сути капиталистическому, завершилась. Начался период реформ, который с разной степенью интенсивности продолжался более 30 лет – до начала 1990-х гг. и, в конце концов, завершился развалом СССР и всей социалистической системы.

Фактически вторая половина XX в. прошла под знаком глобальной борьбы двух проектов. В нашей научной литературе этот процесс получил официальное название «борьба двух систем», капиталистической и социалистической. В целом реформы как

инструмент практической реализации обоих проектов выполняли функцию механизма конструирования социального, экономического и культурного пространства. При этом мировая история продемонстрировала, что в мире не было ни одной крупной реформы, проведенной с одинаковыми целями, способами и результатами. Не следует забывать, что ключевым глобальным условием, влияющим на характер как капиталистических, так и социалистических реформ, было идеологическое и геополитическое противостояние между СССР и США. Оно получило неофициальное название «холодная война».

Поэтому послевоенные реформы следует рассматривать не только как средство преобразования в странах послевоенного мира, но и как средство макроконкурентной борьбы в конфронтационном противостоянии двух мировых систем. Особенно важным представляется вопрос о причинах неудачной реформаторской деятельности в СССР в 80-е годы и поражение СССР в холодной войне. Ответ на этот вопрос требует глубокого анализа социализма как реальности в разных странах мира под разными названиями и социализма как идеи с давней исторической традицией.

Российские «реформы 90-х» принято рассматривать как проект медленного разрушения огромной супердержавы. Со мной могут поспорить, но если рассуждать логично, то все эти процессы оказываются вполне объяснимыми с позиций макроконкуренции. Проблема заключается в том, что макроконкурентоспособность – понятие не совсем экономическое, или лучше сказать – не чисто экономическое, поскольку «на макроуровне экономические проблемы конкуренции тесно смыкаются с политическими и социокультурными... правительства стран несут ответственность перед своими народами не только за их благополучие и безопасность, но и за сохранение их социокультурной и национальной идентичности, причем не только в текущий период времени, но и в долгосрочной, исторической перспективе»³. При этом важно иметь в виду, что конкуренция может носить как конструктивный характер – повышение собственных конкурентных преимуществ, так и деструктивный характер – подавление или снижение преимуществ конкурента. Глубоко убежден, что сто лет назад именно такая деструктивная методология и была применена к России, набиравшей силу в мировой экономике, что выразилось в финансировании различными иностранными структурами революционеров, несмотря на то что Россия теоретически не была готова к социалистической революции. И уже затем, добравшись до власти, революционеры начали превращать государственный переворот *в социальный про-*

ект, по ходу дела существенно корректируя теоретические положения классиков. Примерно то же произошло и в конце 80-х годов в СССР. Разрушительный характер «реформ» был очевиден уже тогда. Он выражался прежде всего в том, что смена политического строя, как и сто лет назад, совпала с геополитическим распадом страны. Но в таких условиях реформы не проводят! Такие периоды требуют как раз экономики мобилизационного типа. Анализ статистики тех лет и развитие страны в последующие годы лишь подтверждают этот вывод.

Уровень экономического развития России начал падать с начала перестройки и к 1996 г. определялся 102-м местом среди 209 стран мира (сегодня мы занимаем 43-е место). В итоге по мировым стандартам Россия стала относиться к слаборазвитым странам. В 90-х годах объем экономики России сократился на 40%. К началу XXI века российская экономика по объему производства составляла $\frac{1}{10}$ от экономики США. Две трети производственного потенциала разрушилось настолько, что восстанавливать его просто не было смысла. Внутренний валовой продукт снизился десятикратно (!): с 2,5 трлн долл. в СССР до 170 млрд долл. в год в РФ накануне 2000 г.⁴ Удельный ВВП на душу населения упал с 10 тыс. долл. в 80-е гг. до 1200 долл. в год, то есть в 8 раз. За период с 1991 по 2004 г. вдвое сократилось производство в промышленности: такой ущерб втрое превышает разорение страны в результате Второй мировой войны. И все же главным итогом реформ является резкое расслоение общества на богатых и бедных: в руках полутора тысяч человек оказалось 65% национальных богатств страны, а 80% населения владеют только 7% этих богатств. И никакая информационная анестезия не сможет заглушить в людях чувство боли от этой вопиющей несправедливости.

Сейчас стало известно, что в 90-е гг. Вашингтон отправил в Россию настоящий десант экономических советников. Возглавил этот десант профессор Гарвардского университета Джеффри Сакс. Именно он подсказал Е. Гайдару, что нужно открыть границы для импортных товаров, отпустив при этом цены. В результате так называемой либерализации полки прилавков наполнились дорогостоящими товарами. Большая часть населения не могла позволить себе даже элементарного. Только за 1992 г. продукты в среднем подорожали в 20 раз⁵. Историки только спустя много лет пришли к выводу, что эта приватизация была частью глобального плана США, согласно которому Россию надо было поставить на колени на много десятилетий вперед. Сегодня уже не тайна, что, получив контроль над многими предприятиями

России, Вашингтон отодвинул собственный финансовый кризис, который разразился лишь в 2008 г. Вся политика США за последние 20 лет была направлена на то, чтобы не просто ослабить, а развалить Россию, получив контроль над нефтью и газом на огромных территориях.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что «реформы 90-х» сопровождалась социально-психологическим давлением, которое выражалось в формировании образа побежденной России (СССР) в холодной войне. Мы практически четверть века живем с этим внедренным в наше сознание «комплексом побежденного», который сам по себе уже обезоруживает, лишает надежды и воли к сопротивлению. Но здесь особенно важно подчеркнуть, что реально Советский Союз не был побежден, его просто предали. О поражении можно говорить тогда, когда сломлен дух нации, но, к счастью, этого пока не произошло. Более того, в последние годы, после присоединения Крыма и побед в Сирии, ситуация начала существенно меняться. И нынешний экономический кризис – это лишь еще одно испытание на прочность нашего народа, на его способность к преодолению препятствий. Есть надежда, что и это испытание будет преодолено. Однако главная проблема не вовне, а внутри страны: необходима консолидация здоровых сил на конструктивной основе, а для этого нужно более четко представлять возможные перспективы развития России и мира в ближайшем будущем.

Технологии проекта постмодерна и перспективы «Красного проекта»

Рассматривая итоги революции 1917 г. и историю распада СССР в начале 90-х годов, необходимо отметить, что эти революционные преобразования и катаклизмы являются вполне закономерными, поскольку мы живем во времена, когда заканчивается пятисотлетняя эпоха модерна и начинается эпоха постмодерна. Напомним, что модерн и постмодерн как проектные явления в полной мере являются продуктами интеллектуальной истории Запада и знаменуют собой два ведущих философских проекта последних веков. Согласно устоявшейся точке зрения, представители модерна и постмодерна выдвигают полярные цели и задачи, используют взаимоисключающие методы и инструменты для их достижения.

Важной особенностью модерна является интеллектуальная дифференциация. Происходит взаимообособление тех сфер, кото-

рые раньше существовали в единстве. Самое главное обособление – секуляризация знания, его отделение от религии и теологии, которые и обеспечивали единство процесса познания. Опытное знание отделяется от философии. На этой основе происходит взаимообособление социогуманитарных наук: экономики, права, социологии и др. Ей соответствует дифференциация институциональная, которая ведет за собой обособление таких сфер человеческого бытия, как социальное регулирование, мораль и искусство во всех своих формах и проявлениях. На этом основании строятся социальные модели, или проекты, а также проекты развития самого «человека разумного». Считается, что в центре проекта модерна – познающий субъект как исходный пункт философии. В гносеологии, онтологии, равно как и в философии политики и общества, индивидуум выступает как потенциальный носитель рациональности, которую он привносит в производство, рыночные отношения, в повседневную жизнь, в политику, общение, культуру, что выражается в формировании человека экономического – *homoeconomicus*.

При этом следует признать, что за сравнительно короткий по историческим меркам срок (менее 500 лет) капитализм (или модерн) добился колоссальных успехов в росте способности человека осваивать природу. Сегодня человек может одним нажатием кнопки вызвать к жизни силы, способные уничтожить всю планету. За эти неполные полтысячелетия сформировалось новое общество людей-потребителей, потерявших представление о любых других смыслах своего существования, кроме как о расширении зоны комфорта. Одновременно возникло очень опасное явление, получившее название «антропологические ножницы»: несоответствие уровня развития самого человека его техническим возможностям. Особенно ярко оно проявляется в сфере экологии.

К середине XX в. стало понятно, что эпоха модерна себя исчерпала. С одной стороны, ресурсы планеты обнаружили свою ограниченность, а с другой стороны, дальнейшее наращивание технических возможностей стало просто опасным. Но на вопрос, как дальше развивать человека и общество, как придать ему способность жить во все более искусственно созданной им техногенной среде, модерн ответа не дает. В этих условиях появился новый вариант социального проектирования – *постмодерн*.

Многие характерные технологии и черты постмодерна дают основание предполагать, что он является результатом внедрения проектных разработок неких мозговых центров. Важной особенностью, а может быть и вообще главной целью постмодерна как проекта является уничтожение смыслов. Активно внедряемые принципы

толерантности и плюрализма делают практически равноценными мнение всех и по любым вопросам: эксперта и невежды, ученого и полуграмотного. Глубоким смыслом, передаваемым людям через произведения высокого искусства, нарочито противопоставляются масскультура, мода на гламур и пошлость. В общественное сознание внедряется тяга к бесконечному карнавалу – явление, получившее название «карнавализация сознания».

Вообще явная абсурдность и реальная нежизнеспособность идей постмодернизма, так же как и связанное с ним потребительское безумие и отсутствие каких-либо положительных перспектив – все это некий признак того, что мы имеем дело с некой переходной социальной конструкцией. Сегодня окружающая нас действительность все более ясно показывает контуры будущего, планируемого для современного человечества. По форме это общество уже сегодня во многих странах имеет двухэтажную конструкцию и отсутствие социальных лифтов, т. е. обладает непроницаемыми перегородками между социальными этажами. В глобальных масштабах нижний этаж – это «большая деревня», наиболее бедные развивающиеся страны. Это явление сегодня носит название «контрмодерн» и представляет модель общества, насильно погруженного в новую архаику или псевдоархаику. Эта архаика отличается от исторической, традиционной архаики тем, что, во-первых, слабо связана с реальной исторической традицией и, во-вторых, не имеет никакой перспективы на развитие. Элементы общества контрмодерна создаются на наших глазах, это – исламистские секты и построенные на их основе преступные сообщества типа ИГИЛ (ДАИШ). Эти секты хоть и называются исламистскими, но наиболее агрессивно они относятся как раз к историческому исламу. Второй этаж – это как раз мир постмодерна «золотого миллиарда», который все чаще называют «золотым миллионом».

В проектах западных мозговых центров общество будущего выглядит примерно так: небольшое количество разбросанных по всей планете «городов», хорошо укрепленных, связанных друг с другом коммуникациями, и окружающая их «большая деревня», в которой не действуют законы, где правит криминал и предоставленные самим себе люди живут и выживают, поскольку им не досталось места в «городе». И это не абстрактные фантазии, это будущее уже формируется на наших глазах: Европа наводнена беженцами из стран Ближнего Востока, многие из них имеют небезупречную биографию и перспектива роста преступности и столкновений на национальной, расовой и конфессиональной почвах представляется вполне реальной. Кровавый хаос, который в итоге может привести

не только к исчезновению единого европейского пространства, но и национальных государств как таковых, уже не кажется фантазией. В этих условиях наиболее состоятельные европейцы спрячутся от волн преступности в укрепленных населенных пунктах, доступ в которые будет строго ограничен. И это как раз и будет реализация постмодерна в социальном поле.

Если задаться вопросом, почему сегодня, когда устранено противоборство двух мировых систем, служившее основанием «холодной войны», длившейся весь послевоенный период до начала 90-х годов, мир оказался на краю пропасти и какие за этими процессами стоят силы, то невольно возникает другой вопрос: кому это выгодно? Попытки ответить на эти вопросы то и дело возникают в аналитических публикациях и выступлениях. В качестве бенефициаров «глобального сценария» называют владельцев американского печатного станка из ФРС. Говорят и о том, что именно в недрах этого влиятельного «субъекта истории» разрабатываются сценарии будущего планеты на десятки лет вперед. И это представляется вполне правдоподобным. Люди, оказавшиеся способными сделать бумажные деньги полноценными заменителями золота (проект был запущен с 1913 г., а уже к 1944 г. в Бреттон-Вудсе были получены реальные результаты), и по масштабам и по срокам реализации доказали свою состоятельность.

Суть реализуемой концепции будущего, если говорить сжато, состоит в том, чтобы перейти на новый технологический уклад, который позволит обойтись значительно меньшим человеческим ресурсом для обеспечения потребностей «золотого миллиарда», делает большинство людей, неспособных себя прокормить, лишними на планете. И уж, конечно, совершенно не нужны люди образованные, со своим мнением, с верой в собственные права, в демократию, обладающие моралью и здоровыми амбициями. Отсюда образы будущего «большого города» и «большой деревни» со всеми их описанными выше атрибутами.

Итак, постмодерн – это смысловое оправдание всех этих странных мировых тенденций последних десятилетий, которым трудно найти рациональное объяснение. Какова же альтернатива? Что можно противопоставить этому опасному плану?

Один из ответов нам дает концепция «Красного проекта», выдвигаемая С. Кургиняном, который утверждает, что на смену модерна должен прийти либо постмодерн или сверхмодерн как разные «типы обществ, которым свойственны определенные нормы и принципы, регулирующие социальную жизнь... которые могут формироваться стихийно или на основе четкого замысла»⁶.

Таким образом, постмодерн и сверхмодерн – это типы обществ, которые несут в себе совершенно определенные проектные характеристики, т. е. формируются не стихийно, а целенаправленно. Что же тогда представляет собой проект сверхмодерна? По С. Кургиняну, если предельно упрощенно и кратко сформулировать идею, то надо взять то, что было в советские времена, подправить и добавить то, чего в советские времена не было (или было искажено, отвергнуто и т. д.). Просто вернуть ту систему, что была раньше, без всяких доработок и изменений нельзя, потому что один раз она уже рухнула. Следовательно, сверхмодерн – это новый коммунистический проект с совершенно новой «пересмотренной» идеологией марксизма-ленинизма, учитывающей как ошибки прошлого, так и новые исторические обстоятельства настоящего. При этом главная проблема человечества, которую необходимо решить – уже упоминавшиеся «антропологические ножницы», – несоответствие уровня развития самого человека его техническим возможностям. Суть проблемы в том, что развитие человека и развитие технологий принципиально не могут быть разноскоростными: если технологии развиваются быстрее, чем человек, то рано или поздно разрыв между человеческим потенциалом и потенциалом технологий станет критическим и в конечном итоге уничтожит человечество. Надо либо научиться развивать человека быстрее, либо начать сдерживать технологический рост. Постмодерн – это проект сдерживания технологического роста, сверхмодерн – проект ускоренного развития человека путем пробуждения и раскрепощения его высших творческих способностей.

Однако задача раскрепощения человека не решается автоматически путем создания только внешних условий. Нужно что-то большее, направленное на совершенствование внутреннего мира человека, а это уже не вполне социальная задача, решения которой С. Кургинян не дает. Ответ, как нам представляется, мы находим у другого автора – известного русского философа А.С. Панарина. В своих трудах он подчеркивал, что все проблемы, порожденные в ходе исторического процесса революционными или реформаторскими способами, в России носят духовно-феноменологический характер и требуют соответствующих духовных осмыслений и решений⁷. При такой постановке вопроса русская православная цивилизация характеризуется такими чертами, которые не только способны регенерировать собственное геополитическое и культурное пространство, но и «выведут» Россию – через формат диалога «о главном» – к новой встрече с цивилизациями Востока⁸. К ним А.С. Панарин относит синкретический тип опыта русского челове-

ка, фундаментальность ценностной триады – Истины, Добра и Красоты, не конвертируемых в Силу, Пользу и Успех, настроенность сознания на бытийные, а не познавательные и инструментальные, как на Западе, вопросы и акцент на нравственность и высшие гуманитарные ценности.

Примечания

- ¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Т. 37. С. 311. [Электронный ресурс] URL: <http://vilenin.eu/t37> (дата обращения: 23.09.2016).
- ² Ленин В.И. Задачи пролетариата в данной революции (Апрельские тезисы). [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_1/lenin_apr.html (дата обращения: 23.09.2016).
- ³ Гельвановский М.И., Рожков К.Л., Скрябина Н.И. Конкурентоспособность национальной экономики: проблемы статистического сопровождения. Поиск методологической адекватности. М.: Статистика России, 2009. С. 89.
- ⁴ Меня могут упрекнуть в несопоставимости сравниваемых объектов – РФ и СССР. Но с геополитической точки зрения мы все-таки имеем дело с исторической Россией, которой, в общем-то, и был СССР.
- ⁵ «Все законы и указы 90-х в Россию привозили из США на английском языке». [Электронный ресурс] URL: <http://ren.tv/novosti/2015-06-01/vse-zakony-i-ukazy-90-h-v-rossiyu-privozili-iz-ssha-na-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 12.06.2016).
- ⁶ Кургинян С.Е. Суть времени: В 4 т. М.: МОФ ЭТЦ, 2012. Т. 2.
- ⁷ Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 15.
- ⁸ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.